

ТЕОРИЯ И ОПЫТ

В СЕМЬИ в последние годы видим, что школы-десятелки вынуждают молодых людей, готовых к поступлению в вуз, но совершенно не подготовленных к практической жизни и деятельности.

В этом, безусловно, повинны и школьные программы, дающие много излишних теоретических знаний, оторванных от практики, и метод преподавания, построенный на рассказе. Лабораторные же занятия, показ, опыт применяются в школе слабо.

Перестройка среднего образования обязательно должна быть направлена к тому, чтобы, не уходя от теоретической подготовки учащихся, приблизить теорию к практике и обучить окончившего среднее учебное заведение какой-то специальности.

Как же это должно быть осуществлено?

Идея разделения среднего образования на два этапа встретила всеобщее одобрение. Но для того, чтобы первым к утверждению второго этапа образования, следуют установить, какой жизненный путь будет определен для большинства молодежи в возрасте 15—16 лет? Мне кажется, что постоянная работа на производстве подростков в возрасте 15—16 лет будет затруднить физическое и духовное развитие юношей и девушек; было бы интересно послушать мнение специалистов-медиков и педагогов по этому вопросу.

Думается, что учить подростка работать целесообразнее не на заводе, а в школе или в специальном училище. Ведь если принять как основную систему продолжения образования вечернюю школу, то это приведет к переутомлению учащихся, что в таком возрасте может оказаться на здоровье; на это наше социалистическое общество пойти не может. Наиболее распространенным типом средней школы, мне кажется, нужно считать такую, где подросток продолжал бы учиться общебазисным предметам и получал бы при этом какую-либо специальность.

Мне довелось после школы-десятелки окончить в Одессе в 1928 году трехгодичную профтехшколу. Она давала нам образование, специальные знания и практические навыки. Мы выходили столярами, слесарями, токарями — по температурной тайм-сетке 4-го, а лучшие ученики 5-го разряда.

Мне кажется, что такие профтехшколы должны стать основным видом учебного заведения для второго этапа обучения как в городе, так и на селе. Закончив такую профшколу в возрасте 18—19 лет, маленький человек, физически уже окрепший, получивший среднее образование и специальность, будет вполне готов для плодотворной практической деятельности.

Мне кажется, что такой путь реорганизации средней школы позволит сохранить те положительные стороны, которые имеет наша школа сейчас, и устранить имеющийся разрыв между теорией и практикой.

Каков же будет дальнейший путь молодого человека, закончившего вторую ступень средней школы?

Я думаю, что для всех путь должен быть один: работать. Даже если молодой человек хочет дальше учиться в вузе, то он должен сначала поработать не менее двух лет. Но если выявятся учащиеся необычайно способные, одаренные в какой-либо отрасли знаний, то это общее правило не должно быть препятствием на их пути к науке.

Высшее и среднее засечное и вечернее образование нужно всячески поощрять, предоставлять студентам вечерних и заочных вузов льготные условия работы — дополнительные 1—2 выходных дня в неделю, например.

Что касается дневных вузов, то в них следует решительно пересмотреть систему практических занятий. Студент в течение времени, отведенного на практику, должен последовательно пройти все ступени труда на производстве: рабочий, мастер т. д., а не быть ни за что не отвечающим посторонним наблюдателем, как это нередко происходит теперь.

Л. ЛАНГЕ.
инженер

Харьков

ЦЕЛЕСООБРАЗНО, ЖИЗНЕННО

Д О СИХ ПОР один из нас помнит неловкое свое состояние, когда его, сына плотника, прямо из тесиах, исправляя положение. После реорганизации обучения в школах и вузах не будет больше молодых людей с аттестатом зрелости или с дипломом, не знающих, как и где быть полезными обществу.

Для организации обучения на втором этапе необходимо, нам кажется, основной упор сделать на то, чтобы по окончании профессионально-технических училищ выпускники были готовы к самостоятельному высококвалифицированному труду и училищи эти размещались бы в стране соответственно размещению различных отраслей производства. Теоретическая подготовка в них должна соответствовать уровню знаний, требующихся при поступлении в вузы. Молодым людям, особенно успешно занимавшимся, нужно предоставить право сразу после окончания училища поступать на дневные отделения вузов. Таким образом, вузы будут пополняться людьми, владеющими как профессиональными, так и теоретическими знаниями.

Связь теоретического обучения с практической жизнью при разных условиях и возможностях для всей городской и сельской молодежи получить ту или иную специальность и степень образования вызовет огромное удовлетворение миллионов отцов, матерей и самих детей. Это будет самая передовая, целесообразная и жизненная система обучения, достойная нашего социалистического строя.

Приходилось вести с ними доли и серьезные разговоры о месте в жизни, а ведь они, между тем, уже имели на руках аттестат зрелости. Очень часто аттестат находился в руках юношей и девушек, ничего не умеющих сделать полезного не только для общества, но и просто для самих себя. И естественно, беседы эти приводили к выводу, что надо как-то самостоятельно поправлять беду.

И вполне понятно поэтому то чувство радостного облегчения, которое мы испытали, прочитав тезисы ЦК КПСС и Совета Министров ССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем раз-

В. КОНЧУК,
агроном

Ф. КИРИЧЕНКО,
директор средней школы

села Ново-Андреевка,
Ольгинского района,
Сталинской области

Это они строят новую жизнь

1.

В СУЧЕТЕ московских дней этой раз забываешь вещи, какими ты недавно восхищался и которые заполнили твою душу чем-то свежим, большим и неизвестным. Но вот откроешь старую записанную книжку, и так и пахнет воздухом, которым ты некогда дышал; снова всплынут перед тобой образы людей, и ты возвращаешься к ним, мир их делает.

Старая репортерская привычка ездить, ездить как можно больше, как можно больше узнавать людей, как можно глубже проникать в суть вещей, совать нос подчас в такое, что, казалось бы, ни с какого бока тебе не кажется, это цыганка не покидает многих из нас до седых волос.

Не знаю, у кого как, а во мне эта репортерская закваска жива по сию пору. Сидеть сиднем на одном месте невмоготу: в поездках и кости разомнечь, и, как говорится, людей повидавши и собой показавши. Возвращаешься в Москву с ясной головой, словно тебе ее veterном прошло, до отказа набитой впечатлениями, которыми долго живешь и до смерти находитесь родным и знакомым, рассказывая о том, что видел и какие замечательные люди попадали на твоих путях, и какие чудеса врешат они за тридевять земель от самого нашего города.

Так-то думы попадали мне на глаза два блокнота с записками о казахстанской целине, куда я дважды ездил в пятидесят седьмом году. На одной странице наткнулся на запись, словно бы зашифрованную: «Зин. Ал. врач совхоза в больнице нет, ни автокома, ни для род. одна палата для жен. и муж. два страш. случ. она со шк. скамьи, 23 г.нич. не знает...» — и сразу передо мной всталла ночь в кустанайском аэропорту, невеселое лицо секретаря Октябрьского райкома партии Михаила Александровича Пермякова,

с ним мы мрачно пили скверное пиво, я ущел его, как только мог.

Буквально накануне я видел Пермякова в громаднейшем новоцелинном районе (два года назад этот район еще не существовал на картах ССР), разъезжал с ним по совхозам, слышал, как он на счет свет стоял костюм директрис, партгоров и агрономов за предбремешкой и раздельной уборке, потом присутствовал на районном совещании, где тот же Пермяков заявил во всеуслышание, что те, кто против раздельной уборки, те против партии... И вот именно он неожиданно-негаданно получил срочный вызов в Кустанай, и именно ему на бирю обикновенными строгий вызов разрешился...

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

лезным наказом «выправить полон-
и...»

Самолет на Алма-Ату подрулил к аэропорту: Пермяков проводил меня, мы рассстались. Старый, испретанный «ЛИ-2» набил до отказа: мне досталось крайнее к двери место. Рядом, в ожидании отлета, дремала какая-то девушкина.

Не успел самолет подняться в воздух, как я заснул мертвим сном.

Разбудила меня соседка, — и не слова:

«Сейчас на Алма-Ату, а Пермяков — в район, куда он возвращался с же-

В ОДИННАДЦАТЫМ номере «Нового мира» за 1958 год напечатана статья «Деревня Огнищанка и больший мир». Автор ее Г. Владимов, не на шутку взвешенный склонностью «риада праспальков к крупным и даже колосальным масштабам», глубокомысленно заявляет: в этом «есть нечто сомнительное, заставляющее предполагать, что не одно лишь стремление к полноте жизненной картины порождает» роман-липецо.

Синхронительно отметим, что роман В. Закруткина «Сотворение мира» «относится в число самых заметных произведений последних лет». Г. Владимов принимается «доказывать», что у В. Закруткина в обрисовке главных героев «мы видим странную статичность», «отсутствие движения, развития»; критик видит в романе также «обилие неточностей, «ставящих под сомнение органичность и полноту человеческих образов и взаимоотношений...». Мало того, по убеждению Г. Владимира, сама «литературная концепция» романа неверна, вследствие чего автор «лишил себя возможности до конца справиться хотя бы с одной из поставленных перед собой задач».

Решив, что все это недостаточно основательно изничтожает одну из наиболее значительных книг», усердный критик погрозил, что он бы и не это мог, но, к сожалению, он не рецензию пишет, а статью, «которая посвящена не столько критическому всестороннему разбору романа В. Закруткина, сколько обсуждению одного из общих литературных вопросов». Этот общий вопрос—попытка поставить под сомнение художественные достоинства и самое право на существование антических произведений, вышедших в последние годы.

РОМАН В. Закруткина имеет немало недостатков, о которых подробно и взвешательно писали Анна Караваева в «Правде», Арк. Эльшевич в «Литературной газете» и Д. Стариков в «Комсомольской правде». Мы согласны с этими товарищами, но не можем соглашаться с методом критики Г. Владимира. «Доказывая» отсутствие «полноты объектов», он совершенно не задумывается над идейно-художественным назначением образов и событий. Одним из критериев того, нужны ли они в романе, является чисто внешний признак: как они отразились на событиях огнищанской жизни, на состоянии умов огнищан. На этом основании отвергается, например, необходимость в романе Александра Старикова. Во время приезда в Огнищанку он, видите ли, «занят лишь своей любовью»...

Самый яркий и обаятельный в «Сотворении мира»—образ Андрея. Этот мальчик, а затем юноша пашет и ухаживает за конями. По заданию председателя сельсовета ликвидирует «старорежимную недоразвитость» старух и стариков. Заведует избушкой-читальней, участвует в обыске кулацкого, который нашел себе место в романе.

Приемлет критик рассказ о неудачной попытке создать коммуну «Маяк революции». Весьма одобряет он В. Закруткина за образ добродородного, честного папы Никандора, но не хочет и говорить о злобном враге Советской власти, о террористе по имени Ипполит. О таких попах уже писалось, говорится между строк. Поэтому же лица частично приемлет критик Дмитрия Старикова. Для него фельшер интересен лишь как экспонат оживляющегося интеллигента, а не как образ, отражающий важное социальное явление.

Не привлек внимание критика коммунист Долотов, человек беспредельной энергии, большого ума и чистого сердца, настоящий ленинец, вожак, буквально сгорающий на работе. Без этого образа не понять, как творили новый мир, откуда взялась энергия народа и почему хватило ее для исполнения сокровенного. Но критик, используя «критерий необходимости», не включил образ Долотова в круг необходимых в романе фигур. Зачем утверждать утверждение?! Это, мол, не то, что еще никто не расскажал...

Прекрасно выписаны в «Сотворении мира» встречи Долотова с Лениным. Читай их, мы видим, как прогретельна, задушевна безгранична любовь народа к Ленину. А сколько в этих сценах богатейших деталей! Напомним лишь одну: шерстяные шарф и носки, которые жена Долотова вязала для Ильи.

Эти сцены необходимы в романе, чтобы показать живую, органическую связь народа с народом, духовную связь народа с Ильилем, который руководил сознанием молодежи, приводил в цеплом от двух лет жизни в Огнищанку Дмитрий Данилович впервые почувствовал.

вал, что здесь идет глухая, затасканная, но яростная борьба?

Поймав автора на «противоречии», критик усмехается: «Странное непонимание у человека, совсем неглупого и видящего своими глазами, что происходит в деревне, знающего, что происходит в стране!»

Но самосуды — это давнее зло деревни. В Огнищанке люди мрут от голода, и правы, ожесточились — поэтому и чуть не случился самосуд. Поставить знак равенства между голодным ожесточением и классовой ненавистью — это именно проявить «странное непонимание».

Поговорив о некоторых частностях в обрисовке Дмитрия и Андрея Стариковых, критик «Нового мира» считает, что он показал отсутствие движения, развития в изображении В. Закруткиных людей. Затем он переходит к столь же глубоко мысленному и доказательному рассмотрению «свторстенных неточностей»...

ПО МНЕНИЮ Белинского, «предмет критики есть приложение теории к практике». Какую теорию «прикладывает» Г. Владимов? В его статье большое место занимают разговоры о «странном непонимании», «странной статичности», о «странных ущербах и противоречиях», о «непонятной шаткости» и т. п., но все же не в них суть.

Вооружившись «критерием необходимости», критик определяет «те стороны произведения, в которых больше всего вывалилось его содержание», то есть решает, что в романе нужно, а что — лишнее. Сцена самосуда — это хорошо, в ней «резкими чертами вырисовываются и картина классовой борьбы в деревне того времени, и человеческий облик ее участников» — хвалят критик. Далее он даёт право на существование в романе Илье Длугачу, ибо он — «фигура не только колоритная, но также помогающая понять тот отрезок нашей истории, которую роман В. Закруткина посвящен». Получает это право и Платон Соловьев, хозяин мелкой ремонтной мастерской. «Он не только горожанин, но и чисто-кровный пролетарий», «принципиально беспартийный человек» — характеризует Г. Владимов Соловьева, который «дополняет еще одной чертой общую пеструю картину того «человеческого материала», который нашел себе место в романе».

Приемлет критик рассказ о неудачной попытке создать коммуну «Маяк революции». Весьма одобряет он В. Закруткина за образ добродородного, честного папы Никандора, но не хочет и говорить о злобном враге Советской власти, о террористе по имени Ипполит. О таких попах уже писалось, говорится между строк. Поэтому же лица частично приемлет критик Дмитрия Старикова. Для него фельшер интересен лишь как экспонат оживляющегося интеллигента, а не как образ, отражающий важное социальное явление.

Нам думается, что в статье Г. Владимира в гипертрофированной форме отразилась такая существенная болезнь некоторых наших критиков, как недостаточное внимание к идейному замыслу произведения, к его генеральной идеи, а отсюда, как следствие, — необоснованность претензий к автору: «упустил», «не показал», в то время как это и не входило в планы писателя, да и не нужно для раскрытия генеральной идеи. Г. Владимов рассматривает характер громадного открытия от их социального смысла, идеино-художественного назначения, что ведет к произвольному толкованию образа. В статьях и рецензиях, подобных «проблемной статьи» Г. Владимира, некоторые критики называют писателя свою «литературную концепцию», предъявляют требования «кусинить», «дополнить» или, наоборот, что-то «убрать», «сократить», не сознавая, что это приведет к нарушению единства идейного замысла, принесет ущерб в раскрытии его. На основании отдельных частностей и случайностей в таких статьях выносится приговор характеру в целом, а порой и всему произведению.

Мы убеждены, что «критика», страдающая такими болезнями, — не критика вовсе, а «нечто сомнительное...»

лица резкими, с плотно сжатыми губами; глаза светлые, холодные и умные, сам уроженец этих мест и знает свой район, как оно и водится, вдоль и поперек, а людям, разумеется, видят насквозь и каждому знает цену. Ему не легко. И не только потому, что громаден его район. У любого партийного района секретаря жизнь давно вошла в свою колею, а тут она **только началась**, да еще такая, примеров которой вовсе не было в истории нашего сельского хозяйства.

В пятдесят шестом году район сдал в закрома государства больше двадцати миллиардов пудов пшеницы. Были схвоязы, которые сдавали по два, по три миллиона, а союз «Железнодорожный» отвалил четыре миллиона с порядочным хвостиком. Директора таких громадных хозяйств — люди крепкие, характеры у них сложные, живущие с ними проблема не малая. Директоры знают себе цену, а награды, которые посыпались на них после объявленного назахстанского миллиарда, иным до того вскружили головы, что им само море стало казаться лужицей: пойди, найди на них управу!

А управу надо было находить, и не медленно, потому что в августе пятьдесят седьмого года вопрос стоял, что называется: ребром: либо найти правильный политический выход из создавшегося положения и собрать все, что дала целина, либо положиться на директоров, многие из которых ходили задавши нос к небесам: ты-де нам не указа, мы-де сами с усами. Стояла жгучая проблема: на что ориентироваться — коснись ли все подряд или дать вылезть первому подголову, потому что на редкие созревшие и выпотрошенные сковы колосы надеяться было нечего. Между тем район обяжался: ежели, мол, не двадцать, то уж десять—двадцать миллионов пудов сдать, хоть кровь из носу!

Решено коснись подголов. Но как? И тут поднялась еще одна жесточайшая «права» — настас раздельной уборки. Не буду залезать в дебри прошлогоднего спора, одно скажу: стране он обошелся в сотни тысяч пудов потерянного хлеба.

Стало быть, поднял Пермяков свое воинство!

3.

И ВОТ МЫ снова встретились с Пермяковым, вспомнили отремевшие целины, а за окном медленно неистовствовала янтарская алма-атинская ночь.

С Пермяковым на этот раз был еще один человек: в те августовские дни я встречал его мельком и не обратил внимания на присущую ему, не слишком заметную фигуру, председателя районного исполкома. У него типично русское лицо, в котором и ноги, и глаза светлые, и какая-то тихая, добрая ульбка на губах: волосы, поседевшие много раньше положенного срока, голос тихий, и веет от человека таким именем и безоблачным покоям. И имя

С удивительным преиспражнением к идеально-художественному смыслу этих сцен в статье «Нового мира» пишется: «В романе изображены, очерченны или упомянуты коммунисты: Ленин, Дзержинский, Эрнст Тельман, Воровский... И все они являются лишь «фоком», независимо от того, больше или меньше они сказали по количеству страниц или строк».

Но самосуды — это давнее зло деревни. В Огнищанке люди мрут от голода, и правы, ожесточились — поэтому и чуть не случился самосуд. Поставить знак равенства между голодным ожесточением и классовой ненавистью — это именно проявить «странное непонимание».

Поговорив о некоторых частностях в обрисовке Дмитрия и Андрея Стариковых, критик считает все сцены, характеризующие международную обстановку, в которой создавался новый мир, все образы, рисующие враждебные силы, пытающиеся помешать строительству нового. Почему?.. Довол, видимо, все тот же: зачем утверждать утверждение?

ТЕПЕРЬ о том, что же такое в понятии Г. Владимира «странной статичности», о «странных ущербах и противоречиях», о «непонятной шаткости» и т. п., но все же не в них суть.

Вооружившись «критерием необходимости», критик определяет «те стороны произведения, в которых больше всего вывалилось его содержание», то есть решает, что в романе нужно, а что — лишнее. Сцена самосуда — это хорошо, в ней «резкими чертами вырисовываются и картина классовой борьбы в деревне того времени, и человеческий облик ее участников» — хвалят критик. Далее он даёт право на существование в романе Илье Длугачу, ибо он — «фигура не только колоритная, но также помогающая понять тот отрезок нашей истории, которую роман В. Закруткина посвящен». Получает это право и Платон Соловьев, хозяин мелкой ремонтной мастерской. «Он не только горожанин, но и чисто-кровный пролетарий», «принципиально беспартийный человек» — характеризует Г. Владимов Соловьева, который «дополняет еще одной чертой общую пеструю картину того «человеческого материала», который нашел себе место в романе».

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определенно-круга людей», но и для всего народа, для эпохи.

Признается, что тема «Сотворения мира» — «величественное зрелище крушения старого мира и становления мира нового», он, тем не менее, ратует за ограничение числа героя романа: миром третьестепенных лиц. Зачем заносит?.. Всё сотни событий, десятки имён!!.. Вот вам купал и предстает сельскоеество, вот городской трудящийся человек и предстает коммуны Бухалов. Поговорив об этих четырех «объектах», возводя ими спор, получает Долотов, рисует грандиозное, характерное не только для «определ

«БИЗНЕС УИК» ИЗВОРАЧИВАЕТСЯ

АМЕРИКАНСКАЯ пропаганда — в растерянности. Ей не удалось скрыть от широкой общественности той грандиозной, величавой картины развития народного хозяйства СССР в ближайшие семь лет, которую рисуют тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на представляемом XXI съезде КПСС. В то же время оказываются непригодными старые, затасканные приемы клеветы на нашу страну, к которым обычно прибегала реакционная пресса из Запада. Теперь уже нельзя хвастать «превосходством» Америки, глупо и невыгодно предсказывать грядущий «пrowал» советского плана. Приходится признать и приближение того дня, когда Советский Союз окажется на первом месте во многих решающих отношениях, и в реальности, осуществимость поставленных национальных целей.

Первыми попытались выйти из затруднения орган деловых кругов США журнал «Бизнес уик». Он лукавоюю индексом, как ему кажется, уже нашел «новый» прием, новый спекулятивно-клеветнический трюк при помощи которого американская пресса сможет в ближайшее время «спускать» общественное мнение в США и других странах капиталистического Запада. Во всяком случае этот трюк уже предложен «на вооружение» в последнем номере «Бизнес уик» от 22 ноября.

Грустный призыв делает, разумеется, и автор статьи, озаглавленной «Что означает новый план русских?». Это необходимо ему для придания своим высказываниям тонкого «объективистичности». Говорится, что новый семилетний план «представляет собой серьезный вызов экономическому превосходству Запада, а также его политической позиции в слаборазвитых странах мира», признается и реальность плана, ибо «у Советского Союза есть все основания выполнить свои общие промышленные задания». «Это колossalные темпы роста», — резюмирует журнал. — Они допускают в абсолютных цифрах огромное увеличение выпуска продукции, так как экономика будет увеличиваться со все более расширяющейся базой».

Но вот и трюкчество. Вот и ложь, без которой американский журнал перестал бы быть американским. Через всю статью пропущено некое словечко «однако», оно-то и должно вызвать в американских читателях реакцию, желательную редакторам «Бизнес уик». Трюк «Бизнес уик» очень прост и ясен, чтобы не сказать подл. Журнал напоминает: а ведь тяжелан-то промышленность в СССР будет расти **быстрее**, чем производство средств потребления. «Значит», «многоизначительно» говорит автор, жизненный уровень будет «принесен в жертву».

Идотизм и шулерский характер этого «доказа» ясен и самому журналу — ведь есть же в нем уже цитированная нами фраза, объясняющая причины быстрого подъема всех отраслей экономики подъема: «так как экономика будет увеличиваться со все более расширяющейся базой».

Эта фраза — лишь невнятный пересказ научной формулировки тезисов о контrollных цифрах, где записано: «главной задачей семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы является дальнейший мощный подъем всех отраслей экономики на базе преимущественного роста тяжелой индустрии, значительное усиление экономического потенциала страны с тем, чтобы обеспечить непрерывное повышение жизненного уровня народа».

«Однако!», — многоизначительно восклицает автор статьи, — «производство потребительских товаров должно расти лишь (подчеркнутое нами). — **Б. Л.**) на 7,3 процента в год».

Фальсификатор возвращается к этому своему «открытию» непрерывно и притом в самых разнообразных вариантах: «повернута вспять тенденция ко все большему увеличению производства потребительских товаров», «развитие производства предметов потребления задерживается», «блага настоящего» снова придется променять на «обеспечения более замечательного будущего»...

Любой мало-мальски грамотный человек легко разберется в клеветническом характере всех этих утверждений.

7,3 процента... Стоит сразу напомнить, что знаменует собой эта цифра сегодня. Она означает, что уже в 1959 году одно только увеличение, одна лишь «прибавка» в уровне производства предметов потребления предыдущего, 1958 года будет равна всему годовому объему производства предметов потребления в царской России 1913 года. В следующие годы семилетки эти «скромные» 7,3 процента будут еще крупнее, еще веомое. «Прибавка», равная тому, во что одевалась и чем питалась когда-то страна со 150-

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Это они строят новую жизнь

(Окончание. Начало на 2—3-й стр.)

города туда, где жил, на встречу мне со скамейкой поднялась женщина в мокнатой шубе, подошла и расцеловала.

Это была Зинаида Алексеевна. Признается, я был смущен такой встречей, но Зинаида Алексеевна тут же объявила свой душевный порыв: она, видите ли, принесла заодно мою тунику, которая, по ее словам, спасла ее от множества неудобств, потому что шубу она получила, когда в Алма-Ате уже трещали дубравы.

Зинаида Алексеевна грызла яблоко и рассказывала, как она уверяла, «препотешные случаи» из ее жизни. Я слушал эту девушку, не замечая быстро ходившего времени.

Да было что поспать.

В Кустанасе, куда Зинаида Алексеевна явилась с путевкой целинниками, ей предложили остаться врачом какой-то поликлиники. Искушение было велико: девушка отчего-то понимала, что ей остро не хватает практики.

«Что меня ждет там, на целине?» — со страхом думала Зинаида Алексеевна.

Те, кто уговаривал ее оставаться в городе, рисовали ей непривлекательную картину совхозной жизни. И все-таки она стояла на своем:

— Ведь надо же когда-нибудь становиться на ноги, — решила девушка. — Умеют же другие устраивать свою жизнь. Неужели у меня не хватит силы и воли?

Ей предложили место в больнице большого целинного района на юго-западе области.

— Четыреста километров отсюда, сто пятьдесят от железной дороги, — сказала ей, думая, что расстояние устрашит девушку, только что сокочившую со скамьи медицинского института.

— Нет, — решительно заявила Зинаида Алексеевна с упрямой морщинкой на выступком лба. — Я хочу в сов-

б прошлое воскресенье во Франции был проведен первый тур выборов в Национальное собрание. Пока избран лишь 41 депутат, остальные кандидаты не получили абсолютного большинства голосов. Центр тяжести избирательной кампании перенесен на второй тур, который состоится 30 ноября.

Реакционные силы Франции действуют. Разумеется, травля коммунистов, давление на рядовых французов со стороны официальной супружеской пропаганды, закулисные машины, говор междум, — все пущено в ход, чтобы сократить число депутатов-коммунистов в Национальном собрании. И все же, несмотря на это, Коммунистическая партия Франции получила в первом туре 18,9 процента голосов всех избирателей.

Франция, Алжир, «выборы»...

Французская реакция возлагает особые надежды на так называемых «депутатов Алжира», которых в будущем парламенте отведено 71 место. Для этой миссии давно намечены самые отваженные реакционеры и пугачи, участвовавшие в событиях 13 мая. Выборы в Алжир будут проведены 28—30 ноября; организует их французская армия, парашютисты генерала Массо, вооруженные автоматами, «Семидесяти фiktивными депутатами, ставленников генералов и полковников, преследующих своиственные цели, будут официально представлять Алжир», — с негодованием пишет еженедельник «Франс Обсервэр».

Рисунки, которые мы помещаем, отражают отношение французской общественности к комедии выборов в Алжире.

— Может прикрыть свою лавочку! Мы доставим вам кандидатов «парашютским» способом!

Рисунок: Ежено из французского еженедельника «Франс нюэль»

...ОПЯТЬ ЭТИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФОРМАЛЬНОСТИ

Е. НИКОЛАЕВ

Фарс, отвергнутый народом

В НОЯБРЕ на Кубе состоялись выборы президента. Даже буржуазные политические обозреватели единодушно квалифицировали эти выборы как «трагический фарс». В этот день в условиях осадного положения, открытого террора и прямого национализации кубинцам предлагалось «свободно» проголосовать за кандидата в президенты, ставленника правительства Батисты.

Что же заставил диктатора Батисту, человека, по собственному его желанию, обуравляемого жаждой славы, уступить пост президента своему бывшему политическому секретарю?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что собою представляет Батиста и его режим. Выученик школы иезуитов, он хорошо знал, что для достижения цели хороши оправданы всевозможные средства. Четверть века назад он, будучи секретарем Батисты, покорил кубинцев.

Широкие круги западногерманской общественности были возмущены тем, что бонисское правительство, запретив с 1951 года 200 демократических организаций и объединений, боровшихся за мир и социальный прогресс, в то же время любопытно опекает дипломатов-антисоветчиков. Газета «Ди Вельт», подчеркнув, что Бони явно не проявляет желания заняться расследованием этого дела, приходит к следующему выводу: «Кто-то в Федеративной Республике покрывает русских эмигрантов. Это должно быть, чья-то секретная служба». «Ди Вельт» высказывает предположение, что своей безнадежностью НТС обязан «специальному секретному соглашению» западногерманских дипломатов с правительством ФРГ.

«Шпренделлингенское дело» вызвало настолько большой резонанс, что посольство США в ФРГ вынуждено было выступить со специальным заявлением. «Мы даже не знаем об НТС», — говорилось в сообщении, — и не имеем с этой организацией ничего общего». Высменявшая это заявление, одна из западногерманских газет писала: «Утверждение

заявлен. В его правление небывалым потоком хлынули на Кубу американские капиталы, обладавшие одной удивительной особенностью: чем больше их направлялось на Кубу, тем беднее становилась «осчастливленная» долларовым дождем страна. Американские монополии, захватив ключевые позиции в экономике страны, выкачивают из нее баснословные прибыли. Один из плодородных районов Латинской Америки, Куба — сейчас отсталая и нищая страна.

Случая верой и правдой американским монополиям, Батиста установил в стране открытый полицейский произвол. Были распущены все прогрессивные организации, а с середины марта этого года введен в всей стране осадное положение. Полиции предоставлено неограниченное право производить аресты. В тюремные застенки брошены тысячи патриотов, выступающих против режима Батисты.

Но, несмотря на кровавый террор, на Кубе и по сей день не прекращается самоотверженная борьба народных масс против тирании правящей клики. В небольшой островной республике на Кубе этот мятеж, похожий, остался бы незамеченным штилем, если бы Батиста не приглянулся янки, обратившим внимание на «динамичного и решительного в своих действиях» сержанта.

Длительное время Батиста был политическим боссом Кубы. Используя свое влияние, он сменил неугодных США президентов, пока с благословлением тех же янки не совершил в марте 1952 года «дворцовый переворот» и собственной персоны занял на президентском посту. Это должно быть, чья-то секретная служба».

Естественно, США были первой страной, признавшей переворот Батисты. В те дни нью-йоркский еженедельник «Бэрронс», захлебываясь от восторга, писал: «Переворот Батисты — приятное зрелище для сахарных магнатов». И введенный в диктаторы сержант делал все, чтобы оправдать доверие своих американских хо-

зяев. В его правление небывалым потоком хлынули на Кубу американские капиталы, обладавшие одной удивительной особенностью: чем больше их направлялось на Кубу, тем беднее становилась «осчастливленная» долларовым дождем страна. Американские монополии, захватившие Кубу, получали из нее баснословные прибыли. Один из плодородных районов Латинской Америки, Куба — сейчас отсталая и нищая страна.

Американский посол в Гаване Эрл Смит доказывал Вашингтону о плачевном положении кубинского диктатора, окончательно потерявшего почву под ногами. В госдепартаменте мучительно искали выход, и он был найден.

Было решено провести инсценировку выборов нового президента Кубы, с тем чтобы сохранить режим Батисты, убрав в тень самого Батисту. Режиссером избирательного фарса назначили посла Эрла Смита. Батиста широковато заявил, что выборы будут «свободными и честными». Сказано — сделано. Районы, где находились избирательные участки, опечатали усиленные наряды полиции, вооруженные дули и автоматами. Но даже при помощи насилия и обмана — «нужным людям» выдавалось по нескольку регистрационных бланетов, — правящая клика собрала менее одной четверти голосов. Около двух миллионов кубинцев отказались участвовать в этой выборной трагикомедии. Новый президент Ривера Агеро, которому официозная реклама создает репутацию «сторожего человека», заявил, что он будет следовать по пути Батисты. Кроме того, он уже успел сделать реверанс в сторону США, обвязавшись сотрудничать с ними самым тесным образом. Таким образом, на Кубе — без перемен...

Народно-социалистическая партия Кубы в специальном заявлении дала следующую оценку выборам: «Надо отвергнуть фарс. Таков бесспорный результат... Бойкот сыграл решающую роль. Народные массы отвергли фальшивые выборы, в основе которых лежали продажность и корыстные интересы, чтобы утвердить официальную поддержку Батисты... Куба пережила тот же безысходный кризис, и единственным путем, ведущим к разрешению проблем, — это решительная борьба народа, объединенного в действиях и в своих целях».

Ю. БЕЛЕНКО

Наконец, явился партруг, увел обзвушенного парня. И Зинаида Алексеевна, собрав все свое мужество, начała операцию...

Все обошлось благополучно, а на следующий день прилетела санитарная машина, отвезла женщину в районную больницу, и по истечении времени она вышла оттуда здоровой.

Было может, после того случая у этой девушки, тоненькой и хрупкой, с глазами синими, как небо в марте, появились в волосах первые седые нити...

Я закрывала записную книжку и говорю себе: «Всякий из нас должен быть счастлив и горд тем, что живет в одно время и в одной стране с людьми, подобными Пермякову, Ивану Ивановичу и невыдуманной мною девушке, ибо они строят новый мир, стремительно бегущий к своему великому идеалу».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН

(зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН.

представлялась, завелось кое-какое оборудование, хотя для этого понадобилось потратить немало сил и нервов...

И сама Зинаида Алексеевна чувствовала себя увереннее: время, многому ее научило.

Короче говоря, новоселы души вней не чаяли, комсомолы не знали товарища более верного, подруги — более отзывчивого хранителя сердечных детьских тайн, дирекции помогали ей, члены комитета заставляли ее, но вскоре стало ясно, что маленькая врача приехала в совхоз отнюдь не за тем, чтобы найти мужа, и никому из претендентов предпочтения не оказывала.

Разумеется, дни юного доктора шли не только в отбитых атаках со стороны «женихов». В первый же час ее самостоятельной врачебной деятельности к Зинаиде Алексеевне явился пациент с громадным запущенным нарывом на большом пальце.

— Вы знаете, — рассказывала она, — я привыкла к крови, и вид ее не мешает. Но я не могла видеть содеряжимого нарява... Терпеть я не могу...

— И уж пейте на себя. Там ни больницы, ни аптеки, в том виде, в каком вы привыкли эти учреждения видеть. Придется работать в вагончике, на первых порах, может быть, с керосиновой лампой. И не слишком слична с твоим нарывом нарыв на пальце и...

— Вы знаете, — рассказывала она, — я привыкла к крови, и вид ее не мешает. Но я не могла видеть содеряжимого нарява... Терпеть я не могу...

— И уж п